

Гармония жизни

ПРОЗА
ЛАРИСЫ
Райт

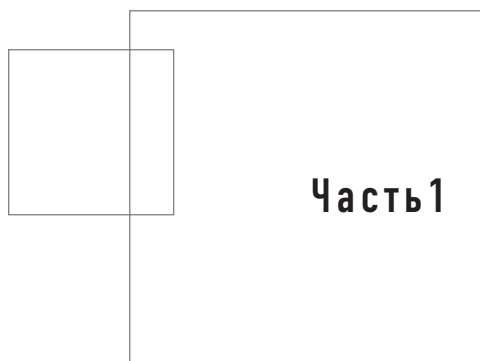
...Все погубло,
Одно молчанье со мною
Оставьте в поле меня, среди мрака —
Плакать...

Ф. Гарсиа Лорка

В несчастьи судьба всегда ос-
тавляет дверцу для выхода...

М. Сервантес

Моим дорогим родителям

Андреа превратилась в улитку. Не в ту, которой японские хокку пророчат «тихо-тихо ползти по скло-ну Фудзи, вверх, до самых высот». А в самого обыкновенного слизня, что прячется в капустных листьях и робко высовывает голову только в случае крайней необходимости. Такой Андреа наверняка нашлось бы достойное место в центре Готического квартала Барселоны. В интерьере «Los Caracoles»¹ спиральки ее волос прекрасно смотрелись бы на фоне витражных, резных и мучных улиток. Там можно было бы обрести спокойствие: никуда не ехать, ни с кем не разговаривать, не выползать из раковины. Очевидно, где-то очень глубоко в ней теплится желание жить, поэтому она занимает отдельный кабинет в «Декоре Испании». Там неплохо платят, тем более носителю языка. Сама она, конечно, никогда туда не попала бы. В то время она уже стала капустной улиткой, которая ничего не может и не хочет — только

1

¹ «Улитки» (*исп.*) — известный ресторан в Барселоне.

покорно спрятаться под листочками, свернуться в тепле и не шевелиться.

Андреа знает, что бывают другие улитки: морские, большие и сильные. Они с удовольствием дрейфуют в штормовых волнах и присасываются к скользким соленым валунам. Их можно оторвать, положить на ладонь — и буквально через секунду закрученный домик поползет, появятся рожки, упорно ощупывающие новое пристанище, мокрое тельце заскользит по руке, пытаясь найти самое выгодное, самое лучшее место на этом странном, мягком и теплом камне. Андреа сама была когда-то такой. А теперь нет лучшего примера для улитки, чем Алла. Алла живет в постоянной борьбе: за чистоту в подъезде, за успеваемость студентов, за своего мужа, потом за чужого, за большие гонорары, за светлое будущее всего человечества в целом и за будущее Андреа в частности.

Пару лет назад она остановилась в переходе и долго разглядывала странную молодую женщину иностранного вида. Пальцы маленькой незнакомки виртуозно бегали по струнам гитары, инструмент заходился в пронзительных ритмах латинос, исторгал гучие страсти Хосе, плакал над безумием Дон Кихота. Перед Аллой мелькали дамы и кавалеры де Веги, простолюдины Кальдерона, лила слезы донья Соль, а Кармен прощалась с Марио¹. Алке хотелось рыдать и смеяться одновременно. Музыка проникала в кровь, щипала сосуды, сводила нутро. А лицо гитаристки оставалось безучастным. Они будто существовали отдельно: женщина и гитара. Но это ее тонкие

¹ Д о н ь я С о л ь — героиня романа Висенте Бласко Ибаньеса «Кровь и песок»; К а р м е н — героиня романа Мигеля Делибеса «Пять часов с Марио».

пальцы заставляли инструмент проживать тысячи жизней, а сама музыкантша казалась мертвой. Нет, она не была изможденно-худой или болезненно-бледной. У нее были пустые, невидящие глаза. Гитара жила в этом мире, питалась энергией, дышала воздухом. Гитара дразнила, ненавидела, требовала, восхищалась, а женщина ничего не чувствовала. Алка огляделась — сосуда для денег не было. Музыка кончилась, незнакомка собралась уходить. Алла рванулась за ней.

— Кто вы?

— Андреа. — Едва уловимый иностранный акцент.

— Зачем вы играете?

— Не знаю. — Делано равнодушное пожатие плеч.

— Вы чудесно играете.

— ...

— Вы... Я... Может, вам нужна помощь? — Алка сама не знала, почему задала этот вопрос. Она была практичной и отнюдь не сентиментальной, а тут будто что-то перевернулось в ней и заставляло семенить за упорно удаляющейся музыкантшей и спрашивать, спрашивать...

— Кто вы?

— Гитарист. — Простая констатация факта.

— Да, конечно. Вы... Вы сейчас работали?

— Я сейчас играла. — Беззлобно, но слегка утомленно.

— Ах, ну да! — (Идиотка, ведь не было же тары для денег!) — А где, где еще можно вас послушать?

— ...

— Ладно, извините. Простите, я не хотела докучать.

Алла отстала. В душе заклокотала обида. Такая угрюмая, нелюдимая женщина умела восхитительно играть, а Алка не умела совсем. Ни на чем. Начинала

и бросала. Не хватало ни терпения, ни таланта, ни времени, ни желания.

Странная гитаристка, которую звали каким-то иностранным, мужским, по Алкиному мнению, именем, внезапно остановилась, обернулась и, не поднимая на Аллу стеклянных глаз, скороговоркой пробормотала:

- Играть я больше не буду, не хочу, уеду.
- Куда?
- В Испанию.
- Домой?
- Дом здесь.
- Тогда зачем уезжать?

Через неделю Андреа оставила третьесортный квартет, который, превратившись в трио, продолжал с тем же неуспехом выводить заунывные ругады на сценах подмосковных санаториев. Двоюродный брат одного из знакомых младшего племянника мужа подруги Алкиной троюродной тетки владел мебельным салоном. У него только что переманили переводчика, и появление странной испанки стало просто спасением. Андреа вышла на работу, залезла в раковину и заснула. Алка иногда тормошила, пыталась разбудить. Андреа честно пыталась встряхнуться, вылезти из обид и воспоминаний, но неизбежно соскальзывала обратно в спираль и молчала. Алла стучала, но не могла достучаться. Может, стучала несильно, может — нечасто, но у нее же были борьба и вихоры других проблем.

Еще была Зоя. Зоя была давно. Почти всегда. И у Зои проблем практически не было. Но Зоя была помолвлена. Тоже почти всегда. Уже десять лет. И это была ее

единственная проблема, которую она называла на иностранный манер «long distance relationship»¹. У Зои были письма, звонки и сообщения. У Андреа была пустота. У Зои — любовь, ненависть, ревность, мечты. У Андреа — вакуум. У Зои — восемь раз в год Стокгольм, но за десять лет были и Париж, и Лондон, и Рим, и Токио, и Мехико, и заветный Рио-де-Жанейро. У Андреа — восемь остановок от «Беляево» до «Юго-Западной».

Раньше, еще до своего падения в небытие, Андреа слегка завидовала подруге. У той было столько возможностей увидеть и узнать новое, неизвестное.

— Линдгрэн придумала человечка с пропеллером?

— Что? — не понимает Зоя.

— Ну, — смущается Андреа, — у вас вроде печатали. Я видела в книжных ее повести.

— Какие повести?

— Про Карлсона.

— А... — радуется подруга, — так это ты про мультик, что ли? А при чем тут какой-то Линдгун, Линдвин, как ты там сказала?

— Неважно. Значит, крышу Карлсона ты в Стокгольме не видела...

Зоя качает головой, крутит пальцем у виска и красноречиво молчит. В другой раз Андреа спрашивает:

— Ты ведь была в Лувре, правда?

— Была, — важно кивает Зоя.

— Как? Как тебе Ватто? Там большая коллекция? — Андреа с юности восхищается этим художником. Ей близки печаль и меланхолия его персонажей и вместе с тем буйство цвета, простота композиции и сложность мотивов. Андреа могла часами простаи-

¹ Отношения на дальнем расстоянии (*англ.*).

вать у его картин и пытливно искать и находить забавное в грустном, серьезное в смешном.

— Какое отношение Виттон имеет к Лувру? И почему его коллекции должны выставляться в музее?

И Андреа завидовать перестала.

А после того, как она очутилась в раковине, общение с Зоей и вовсе стало односторонним. Зоя щебечет об очередной встрече со своим шведом, который никак не хочет переезжать в «ужасную, неевропейскую страну».

— Ну а я что? Должна похоронить себя в Стокгольме в компании его полоумной матери-шведки?!

Андреа не понимает, почему в Стокгольме обязательно надо себя хоронить и какой должна быть мать шведа, если не шведкой. Андреа молчит. А Алка не может. Алка спрашивает:

— А почему она полоумная?

Зоя взмахивает ресницами, кривит губки.

— Сейчас, сейчас. — Она погружается в хаос своей супермодной клетчатой сумочки от «Шанель» и выуживает оттуда конверт с фотографиями.

— На, сама посмотри.

2

— На, сама посмотри! — Мать трясет перед лицом Андреа приглашением. — О чем я мечтала? О чем говорила? Я все уши прожужжала тебе, я просила, я умоляла, чтобы это была Франция, или США, или Болгария, или даже, ладно, пусть даже Москва, но тогда конкурс Чайковского. А это? Это что, я тебя спрашиваю?

Андреа наконец получает возможность заглянуть в измятый листок. Заглядывает и ликующе улыбается.

*Уважаемая сеньорита Санчес-Домингес,
Дирекция международного конкурса гитаристов «Фернандо Сор» просит подтвердить Ваше участие в конкурсе и приглашает приехать на заключительный третий тур...*

— Чему ты улыбаешься? — вопит мать. — Ради чего все это? — Мать гневно распахивает дверь в комнату, где скучает благородный рояль. — Ради конкурса гитаристов? — Сеньора Санчес произносит слово «гитаристов» так, как будто это конкурс, по меньшей мере, работников тюремной столовой штата Кентукки. — Нет, не надо было покупать тебе эту бренчалку! У тебя были нормальные, понятные мне стремления...

— Почему если непонятные тебе, то сразу же ненормальные?

— Не перебивай и не возмущайся! — отрезает мать. — Тебе восемнадцать. Что ты можешь знать о жизни?! Какое будущее у гитариста?!

— А у пианиста, мама? Я же не Фредерик Кемпф!¹

— Нет. Не все рождаются гениями. Но у тебя есть талант, а над талантом надо работать. А ты? Что ты делаешь? Что делают твои пальцы? У тебя исключительный, мощнейший хват, ты перебираешь октавы за считанные секунды. Клавиши созданы для твоих рук, а ты стираешь нежные подушечки железными струнами и неделями не подходишь к инструменту!

— Гитара — тоже инструмент. И, играя на ней, я чувствую себя гением.

— Ну и кем ты себя возомнила? Пепе Ромеро?
(И что она себе воображает, эта девчонка!)

— Андреа Санчес-Домингес.

¹ Известный современный британский пианист.

Сеньора Санчес в сердцах швыряет приглашение на пол и спешит поставить точку в споре:

— Ты никуда не поедешь!

Через неделю Андреа сбегает в Италию, а еще через две в Мадрид отправляется копия диплома лауреата международного конкурса «Фернандо Сор».

3

— Сыграй, Ань, — Алка не признает официоза, а имя Андреа кажется ей именно таким, лишенным домашности. Зоя же, напротив, любит подчеркнуть иностранное происхождение подруги.

— Давай, Андреа. Порадуй девочек.

Андреа окончательно падает в свою скорлупу и еле уловимо мотает головой.

— Не сегодня, — вымученно улыбается она. — Я что-то устала.

Подруги уходят, а Андреа еще долго сидит без движения и смотрит сквозь конверт с фотографиями, забытый Зоей.

— На, сама посмотри, — раздраженно говорит ей соседка по комнате.

Девушку зовут Мари, она француженка, ей тридцать четыре, и это ее последний шанс добиться хоть какого-то признания среди гитаристов. Андреа знает, что у Мари ничего не получится. Она слышала, как та играет. Про таких в музыкальном мире обычно говорят «посредственность». Андреа жалко Мари. Она кажется ей практически древней старухой, напрасно растратившей жизнь на пустые мечты. Андреа берет ноты и вздыхает.

— Все, как я говорила. Здесь ре минор. — Она не слышит привычного «Не может быть!». Мари смотрит в окно и возбужденно машет ей рукой.

— Смотри, смотри скорей. Еще один третьетурник.

— Кто? — У Андреа не очень хорошо с английским.

— Ну, такой же, как ты. Приглашенный почти к финалу. Кажется, русский. Я видела фамилию в списке.

Андреа с любопытством выглядывает в окно.

— Симпатичный, правда? — толкает ее локтем Мари.

Андреа не знает, что ответить. Высокий черноволосый паренек в рваных джинсах и солнцезащитных очках вполне может оказаться симпатичным. Только на вид ему лет двадцать. Странно. Что Мари в нем нашла? Может, ковбойская шляпа ее привлекла?

— Похож на Дина Рида, — лениво бросает она.

— Ну да, точно! Этакий красный ковбой! — радуется Мари, а Андреа проникается к соседке внезапным уважением. Удивительно. Она знает Дина Рида.

— You played fantastic!¹

Андреа с интересом оборачивается. Дин Рид собственной персоной. Уже без темных очков. «Надо же, — думает про себя девушка, — сходство действительно есть: густые изломанные брови сведены к переносице, взгляд какой-то пронзительный и удивительно честный, уголки полуоткрытых губ чуть опущены книзу, как на знаменитом портрете».

— Вадим, — представляется русский и протягивает руку, которую Андреа, смеясь, пожимает.

¹ Вы фантастически играли (англ.).

— Why are you laughing?¹ — не понимает новый знакомый.

— I'll call you Dim². — Ретранслятор что-то быстро лопочет по-итальянски, и Андреа подталкивает смущенного русского к выходу:

— It's your turn³.

У него — заслуженный Гран-при, у нее — первая премия, а у них обоих — большое и светлое. Трогательное, робкое, зыбкое, тайное, юное. Мощное, сильное, открытое, зрелое, настоящее.

Андреа учит русский. Ей интересно. Дим осваивает технику испанской гитары. У него здорово получается. Лучше, чем у Андреа с русским.

— Поедешь со мной? — Неудачная попытка сыграть в равнодушие.

— По-е-ду, — уверенный кивок. Потом уточняет: — Where?⁴

— В Москву. Home⁵.

— До-мой, — радуется Андреа. — A casa⁶.

— А как же Мадрид? Как же рояль? Как же мы с папой? Какое будущее тебя там ждет? — рыдает в трубку сеньора Санчес.

Андреа улыбается. Ее ждет Москва, гитара, Дим и крылатое счастье. Она уверена: у счастья есть крылья. Она думает, это хорошо. А что хорошего? Счастье прилетает и улетает.

¹ Почему вы смеетесь? (англ.)

² Я буду называть тебя Дим (англ.).

³ Твоя очередь (англ.).

⁴ Куда? (англ.)

⁵ Домой (англ.).

⁶ Домой (исп.).